

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РАССЛЕДОВАНИЯ ГЕНРИ МЕРРИВЕЙЛА
в серии
«ЗВЕЗДЫ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»

Убийства в Чумном дворе
Убийства в Белом Монастыре
Загадка Красной Вдовы
Убийства единорога
Убийства в стиле Джуди и Панча
Десять чайных чашек,
или Убийство павлиньими перьями

Джон Диксон
Карр

**УБИЙСТВА
ЕДИНОРОГА**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE UNICORN MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1935
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Тарасова
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова
Карта выполнена Александром Сабуровым

ISBN 978-5-389-29174-4

© М. В. Тарасов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лев и единорог

Позвольте мне изложить вам один случай и спросить, что бы вы сделали в подобных обстоятельствах.

Итак, вы проводите отпуск в Париже. Стоит пора свежей листвы, когда весна уже почти сменилась летом. Ничто вас не беспокоит, и вы пребываете в полном согласии со всем миром. Однажды вечером, когда уже близятся сумерки, вы сидите на террасе ресторана «Лемуан» на рю Руаяль и пьете аперитив. Затем вы замечаете девушку, с которой познакомились в Англии. Девушка эта — которая, кстати, всегда казалась вам довольно чопорной — подходит прямо к вашему столику и без тени улыбки зачитывает детский стишок. Затем, подсев к вам за столик, она сбивает вас с толку тарабарщиной, какой вы в жизни не слышали. Как вам такое?

Что я сделал? Ну разумеется, подыграл ей. Подыграл — и таким образом оказался вовлечен в череду событий, от одного воспоминания о которых меня до сих пор бросает в жар. И не только потому,

что ничего хуже со мной не случилось за все долгие годы службы в разведке, но также из-за ужасных последствий, которые могли быть вызваны моей невинной, в сущности, ложью. Я был настоящим болваном, но меня тогда не на шутку зацепила эта самая Эвелин Чейн. А весенний Париж способен толкнуть на любую глупость.

Когда год назад или около того Г. М. уговорил меня написать историю убийства в Чумном дворе, я и не думал, что снова возьмусь за перо. Но в некотором смысле я просто вынужден (как вы поймете, если захотите ознакомиться с моей историей) описать происшедшее. Начну с биографических подробностей. Они мне даются с трудом, но, к сожалению, без них тут не обойтись. В моем паспорте значится имя Кенвуд Блейк. Возраст — тридцать восемь. Место жительства — Эдвардиан-хаус, Бёри-стрит, в лондонском районе Сент-Джеймс. О профессии не стоит и говорить. Я не люблю работать и признаю это. Потому карьера моя была какой угодно, только не блестящей. Меня готовили для дипломатического поприща и битком набили языками. В 1914 году я перебрался через Атлантику в качестве атташе британского посольства в Вашингтоне, а год спустя, несколько возмужав, добился назначения в полк шотландских горцев — Сигрейв хайлендерс. Никто не обнаружил моей некомпетентности, и пару лет я не так уж плохо справлялся со своими обязанностями. Я надеялся получить батальон ровно перед тем, как

попал под обстрел в Аррасе, но, когда я выздоравливал, меня признали негодным к действительной службе и уволили в запас.

Затем, уже в Лондоне, сырым, унылым днем, когда на душе кошки скребли, я столкнулся с Г. М. Мне никогда не забыть, как он ковылял по улице Уайтхолл: громоздкий цилиндр сдвинут на затылок, очки съехали на нос, пальто с траченным молью меховым воротником нелепо топорщится сзади. Он брел, угрюмо понурясь, не разбирая дороги, и на ходу с такой яростью потрясал кулаком, с таким неистовством осыпал проклятиями чинуш из правительства, что рисковал навлечь на себя обвинения в прогерманских настроениях. Думаю, он сразу понял, как у меня обстоят дела, хотя вы бы ни за что не догадались об этом по его приветствию, и затащил к себе в логово с видом на набережную. Вот так я и поступил в секретную службу. По словам Г. М., у меня не было для нее никаких особых данных, кроме недостатка хитрости.

Бесхитростность, по уверениям Г. М., качество для разведчика поистине бесценное. Немало изворотливых умников, утверждал он, предстало перед расстрельными командами или закончило жизнь с ножом в спине, и это не так нелепо, как кажется, если хорошенько подумать. Он прочитал мне обычную свою лекцию о том, что сам род моей деятельности поставит меня за грань дозволенного и Г. М. ничем не сможет мне помочь, если я вляпаюсь.

Что тут скажешь? Только одно: он лгал. Уж мне-то известно: Г. М. способен в пух и прах разнести Кабинет министров, задействовать все ресурсы Министерства иностранных дел, чтобы защитить самого незначительного своего агента. Это птенцы его гнезда, говаривал старик, и он готов прикрыть им спину, а если это кому-то не нравится, пусть проваливает к такой-то матери.

Я быстро перешел из контрразведки в разведку, что означало работу за границей, и подвизался там до конца войны. Не стану пускаться в рассказы о моих приключениях и славных парнях, которые делили тогда со мной горести и радости. Но я вспоминал о них теперь, сидя на террасе «Лемуана» на рю Руаяль и потягивая «дюбонне», за два дня до серебряного юбилея короля Георга¹.

Все случилось, если быть точным, четвертого мая в субботу. На следующий день я должен был лететь в Лондон на празднование юбилея. Парижская лень погрузила меня в летаргию хорошего настроения. Париж благоухал цветами и был наполнен сиянием прекрасной погоды. Молодая листва казалась прозрачной. Сквозь нее просматривались высокие фонари. Солнечный свет струился янтарным теплом, окутывая им темно-зеленые живые изгороди за уличными кафе. Воздух был наполнен гулом машин и голосами прохожих, которые перекрывало монотонное кряканье клаксонов такси.

¹ 6 мая 1935 г. Великобритания отмечала пышными торжествами 25-летие правления Георга V (1865–1936).

Было около восьми часов вечера — самое время подумать об ужине, — когда налетел шквалистый ветер, обычно предшествующий весеннему ливню. Тент захлопал у меня над головой. Пыльный вихрь подхватил газетные листы, похожие на белые фартуки официантов. А я, надо вам сказать, вот уже две недели не заглядывал ни в одну из них, разве что мельком бросал взгляд на заголовки. Порыв ветра пронес мимо меня газету, и я наступил на нее ногой. «Подготовка к юбилею короля Англии», — гласил один заголовок. «Волнения в Индии», — возвещал другой. Но самый большой ажиотаж вызвала ситуация вокруг неких Фламана и Гаске.

Собственное неведение слегка раздосадовало меня, как бывает, когда до тебя не доходит смысл фразы, которую ты слышишь отовсюду. Так, я лишь недавно узнал, почему много лет подряд люди к месту и не к месту вворачивают: «Да, у нас нет бананов» — и откуда взялась эта присказка¹. И подобно тому как ты спрашиваешь себя: «Что, черт побери, должно означать это „Да, у нас нет бананов“?» — теперь я ломал голову над тем, кто такие Фламан и Гаске. Казалось, все только о них и говорят. Даже в разговорах на немногочисленной сейчас террасе то и дело звучали их имена. Они запленили Париж, как кряканье клаксонов.

¹ Эта фраза («Yes! We have no bananas») звучит парадоксально, поскольку в английском языке утвердительная частица «yes» не употребляется перед отрицанием. Она стала расхожим выражением в 1923 г. с легкой руки американского комика Фрэнка Сильвера, написавшего песенку с таким названием.

Отчего-то я решил, что речь идет о боксерах, которые должны сойтись на ринге, или даже соперничающих членах французского Кабинета министров. Так или иначе, заголовок статьи, которую мне было лень читать, объявлял, что один бросил зловеший вызов другому, и сопровождал это множеством превосходных степеней.

Официант поспешил за улетевающей газетой. Возвращая ее, я под влиянием импульса спросил невпопад:

— Вы за Фламана или за Гаске?

Результат был поразительным. Проходивший мимо полицейский внезапно остановился, ссутулил плечи, как будто ему выстрелили в спину, и медленно вытянул шею, чтобы смерить меня недобрый взглядом, выдававшим худшее подозрение, когда-либо выводившее человека из душевного равновесия. Затем он протиснулся на террасу через узкий проход в живой изгороди.

— Ваш паспорт, мсье, — отрывисто произнес он.

Официант издал громкий рокочущий звук, выражающий неодобрение. Он наклонился и быстро протер стол салфеткой, что обычно указывает: сейчас официант заговорит.

— Этот джентльмен ничего плохого не имел в виду, — объявил он. — Это был всего лишь способ...

— Англичанин, — скривил губы полицейский, изучая мой паспорт, после чего издал ни к чему не обязывающий звук. — Вы употребили слова, ко-

торые могли послужить кому-то сигналом, хотя могли и не послужить. Сами понимаете, я не хочу мешать безобидному путешественнику, но...

Мне хотелось его успокоить, ибо страж порядка цедил слова сквозь зубы и теребил усы, явно снедаемый мрачными подозрениями. Но я и представить себе не мог, что́ его так взволновало. Если дело касалось политики, чего-то вроде дела Ставиского¹, тогда я, возможно, шел по тонкому льду.

— Вероятно, всему виной мой скверный французский, мсье, — извинился я с поклоном, который всегда заставляет вас чувствовать себя полным дураком. — По правде говоря, я брякнул это, не подумав. У меня нет ни малейшего желания унижать ваших боксеров или членов Кабинета министров.

— Наших кого?.. — спросил полицейский.

— Ваших боксеров, — повторил я, сопроводив эти слова хуком слева в воздухе, — или ваших министров. Я решил, что эти джентльмены либо те, либо другие...

И тут я понял, что могу выдохнуть, пусть даже мы и привлекли к себе настороженное внимание окружающих. Ажан² хохотнул сквозь зубы и приотпнул ногой.

¹ Дело Ставиского — финансово-политическая афера, обострившая политическую борьбу во Франции и вызвавшая кризисную ситуацию в стране в период с декабря 1933-го по февраль 1934 г.

² Ажан — французский полицейский.

— Ну вот, — сказал он, — как вам это нравится, а? Они смеются над вами, наши парижане. У них плохие манеры, мсье, за что я приношу свои извинения. Простите, что побеспокоил. До свиданья, мсье.

— Но послушайте, — окликнул я, — кто такой этот Фламан?

Наверное, он был склонен к драматическим эффектам, что сослужило мне скверную службу в дальнейшем. Уже развернувшись, чтобы уйти, блюститель порядка оглянулся.

— Он убийца, мсье, — отчеканил полицейский.

Затем, расправив плечи, он отдал честь и проскользнул через живую изгородь, как будто задержив за собой занавес. Я попятился, чтобы не привлекать внимания публики, отмахнулся от официанта и только через несколько секунд понял, что ажан ушел с моим паспортом.

Затем события стали развиваться стремительно. Я не собирался скандалить, поскольку и так привлек к себе слишком много внимания. Вскоре после своего триумфального и драматического ухода полицейский обнаружит у себя в руке мой паспорт и возвратит его. В любом случае официант наверняка знает номер, выбитый на жетоне ажана, и я смогу с легкостью получить свой документ обратно. Успокоив себя этими соображениями, я как раз садился, когда увидел Эвелин Чейн. Она попала на террасу через другой вход,

что дальше по улице, ближе к площади Согласия. Похоже, она видела, если не слышала, последнюю часть моей беседы с полицейским. Моей первой мыслью было, что я, должно быть, всегда выгляжу дураком в ее глазах. Мысль эта возникла даже раньше удивления, которое я испытал, обнаружив девушку перед собой. Узрев ее на фоне ветреного темнеющего неба, в котором начинали мерцать розоватым вечерним светом фонари, я едва не подпрыгнул. Не от недоброго предчувствия или чего-то в этом роде. Возможно, меня поразило то, как она выглядит и как одета. На самом деле я даже не был до конца уверен, что это Эвелин.

Если бы мысли о ней преследовали меня, в этом не заключалось бы ничего удивительного, хотя она и не была моей давней знакомой — я и встречал-то ее всего раза четыре. Так вот, не примите это за скабрзность, но кареглазая брюнетка Эвелин принадлежала — по крайней мере внешне — к числу тех девушек, о которых грезит весь батальон, возвращаясь с передовой после трех недель под обстрелом. Но (по крайней мере в то время, о котором я пишу) она не мирилась с истинным своим предназначением. Утверждала, будто хочет, чтобы ее ценили за ум, и я, как дурак, ей поверил. Или почти поверил. Она «занималась политикой». Иначе говоря, состояла секретарем при известном члене парламента, чье имя у всех на устах, чтобы затем выставить свою кандидатуру на выборах в каком-нибудь округе,

одержать победу и со временем обрести печальную известность леди Астор¹. Ужасная мысль.

Обманутый ее чертовски холодной и неприужденной манерой рассуждать о прогрессе, служении, будущем народа и других подобных вещах, которые кажутся мне чистой воды чушью, я не знал, чему и верить. Эвелин совершала настоящее надругательство над своей природой, нося сшитые на заказ строгие костюмы и пенсне на цепочке, тянувшейся к уху.

Таково было мое мнение о ней — до описываемого вечера у «Лемуана». Там я увидел Эвелин такой, какой ей надлежало быть. Девушка, вступившая на террасу, была одета во все светлое. На ней было что-то вроде белой спортивной куртки и сдвинутая набок белая шляпка. Кожа Эвелин словно светилась изнутри и имела тот теплый коричневато-золотистый оттенок, который так редко видишь у реальных женщин из плоти и крови. Ее карие глаза были устремлены на меня. Они казались бесстрастными, но в ее движениях, когда она открывала и закрывала защелку своей сумочки, угадывалась нервозность. Девушка подошла к моему столику, и я вскочил.

— Привет, Кен, — сказала она холодно, как в старые добрые времена.

— Привет, Эвелин.

¹ Виконтесса Нэнси Астор (1879–1964), увлекшись политикой, стала первой в истории Англии женщиной-депутатом палаты общин. Тогда она была там единственной дамой и привлекала всеобщее внимание.

Затем так же серьезно она произнесла:

— «Вел за корону смертный бой со львом единорог, гонял единорога лев вдоль городских дорог...»¹

Услышав нечто подобное несколькими минутами ранее, я бы либо рассмеялся, либо спросил, о чем это она. Но все произошло слишком скоро после необъяснимой истории с полицейским. Я чувствовал, что мой спокойный отпуск принимает странный оборот. Меня влекло в череду безумных событий. Стрелка компаса повернулась, и я должен был следовать ее направлению.

— погоди, — пробормотал я. — А что там дальше? «Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог, а после их под барабан прогнали за порог».

Она вздохнула с облегчением и села, по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Закажи мне что-нибудь выпить, хорошо, Кен? — попросила она. — Знаешь, я ужасно рада, что это именно ты.

— Я тоже. И не вздумай возражать, если я скажу, Эвелин, что ты выглядишь именно так, как должна.

Она по-прежнему не улыбалась. Карие глаза с любопытством рассматривали меня, брови были приподняты, а лоб слегка наморщен.

— Я чувствую облегчение, — тихо произнесла она. — Возможно, сейчас мы сможем кое-что

¹ Песенка из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (гл. VII). Перевод с английского В. Левина.

прояснить. Та последняя встреча... Ну, мне казалось, все пошло наперекосяк, правда?

— Так и было, — признался я. — И весь этот кавардак случился по моей вине. Если бы я не сделал тех замечаний о твоих друзьях-эстетках...

Эвелин усмехнулась. Это была не улыбка, а честная ухмылка, от которой ее глаза озорно вспыхнули, и в них отразился Париж. В тот момент в ней, казалось, было столько жизни, ее кожа отливала таким золотом и такой в ней чувствовался бесенок, что я готов был стонать от удовольствия. Сложив руки на груди, она слегка подмигнула.

— Я могла бы сказать тебе, что сама думаю о своих друзьях-эстетках, — заявила она, — если бы ты только намекнул, Кен! Если бы только ты сказал, что все еще служишь. У тебя было такое непроницаемое лицо всякий раз, когда я пыталась затронуть эту тему... Видишь ли, я должна была знать. Я дошла до того, что спросила Г. М., чем ты занимаешься. Но так и не получила никакого ответа. Ничего, кроме непристойных замечаний обо мне и о том, что мне следовало бы подумать о замужестве... И да, о каком-то человеке по имени Хамфри Мастерс. Но сейчас я должна вернуться к делу и рассказать...

Ее лицо снова стало серьезным. Она быстро огляделась по сторонам, а затем я услышал следующие сбивающие с толку заявления:

— Сэр Джордж Рамсен привезет единорога в Лондон. Сегодня вечером мы должны отпра-

виться к «Слепцу», но я не знаю зачем, потому что сэр Джордж приедет в Париж.

— Хм, — отозвался я.

Стрелка компаса дико задержалась.

Она порылась в сумочке.

— Сэр Джордж прибыл в Марсель вчера. Он предпочитает летать обычными авиалиниями, потому что не доверяет частным самолетам. Сегодня из Марселя в Париж вылетают два самолета французской авиакомпании «Эйр юнион». Он отправится вторым, который прибудет в Ле-Бурже сегодня, в девять пятнадцать вечера. Последние инструкции, которые я получила, заключались в том, что мы с тобой должны поехать к «Слепцу» — это гостиница в паре миль от Орлеана — и быть там не позже одиннадцати часов. Я так понимаю, что по какой-то причине сэр Джордж, едва добравшись до Парижа, намерен развернуться и махнуть напрямиком в ту гостиницу. Паролем служит стишок о Льве и Единороге, прочитанный от начала до конца. Но это все, что я знаю. Как я поняла, подробности мне сообщат на месте. А что сказали тебе?

Чтобы выиграть время, я заказал еще два «дюбонне» и сигареты для Эвелин, а затем старательно раскурил трубку. Как станет понятно из дальнейшего, мне не следовало совать нос в это дело. Очевидно, я должен был прямо сказать Эвелин, что я не тот, с кем она, по всей видимости, должна встретиться у «Лемуана». И если бы объявился настоящий агент... Однако упрямая человеческая

душа редко следует торной дорогой. Я наслаждался происходящим и не хотел, чтобы Эвелин ускользнула от меня. Помимо всего прочего, я полагал, что смогу показать себя не хуже того, вероятно, еще зеленого агента. Собственно, я собирался им стать.

— А ты не в курсе, — начал я, — о каком единороге идет речь?

— Нет! Надеялась услышать это от тебя.

— Ну... Дело в том, Эвелин, что я и сам теряюсь в догадках.

Она уставилась на меня:

— Ну конечно... Но где ты получаешь указания?

— От самого Г. М., а ты знаешь, каков он.

Имелось одно утешение: Г. М. был слишком ленив, чтобы тащиться во Францию, когда в Лондоне ожидались фейерверки, и потому не смог бы меня разоблачить. Но теперь, когда я уже влез в это дело, мне вдруг сделалось неловко, и я проклял себя за обман. Это была нечестная игра. Тем не менее — такова уж человеческая натура — я утешал себя мыслью, что всегда могу открыть ей правду... Ну хотя бы сейчас.

— Но все-таки нам требуется сравнить наши инструкции, — продолжила Эвелин.

— А известно ли тебе еще что-нибудь, — попробовал я увести разговор в сторону, — хоть какая-то информация?

— Ничего, кроме того, что ты наверняка и сам видел в газетах. Фламан утверждает, будто полетит тем же рейсом.

Карр Дж. Д.

К 26 Убийства единорога : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. М. Тарасова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 352 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-29174-4

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Митчелл и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. Убийство в запертой комнате, где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр вовлекает читателя в сети ловко расставленных ловушек, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки, распутывая ниточки «невозможных» преступлений.

Самолет, следующий из Марселя в Париж, совершает аварийную посадку недалеко от Луары, и пассажиры вынуждены искать временный приют в уединенном замке Шато-де-л'Иль. Среди гостей замка неожиданно обнаруживается и сэр Генри Мерривейл вместе с двумя агентами британской секретной службы. Кроме того, известно, что в замке находится один из самых опасных и неуловимых преступников Франции, которого никто не знает в лицо, а также главный инспектор французской полиции. Драматические события не заставят себя долго ждать...

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Ответственный редактор Оксана Прилежаева

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Светланы Шведовой

Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.04.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе

«Можайский полиграфический комбинат»

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

16+

A-MCD-38292-01-R